

Ева Шилова

*Лишъ тенъ на
стене*

Ева Шилова

Лишь тень на стене

«Автор»

2026

Шилова Е. В.

Лишь тень на стене / Е. В. Шилова — «Автор», 2026

Когда-то все мы делаем выбор, не зная, как это нам аукнется. Может получиться так, что он правильный. Может наоборот. Главное, чтоб не оказалось, что кто-то важный для нас по результатам этого выбора превратился в бесплотную тень...

© Шилова Е. В., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава	5
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Ева Шилова

Лишь тень на стене

Глава

*Когда я умер, ты был так рад:
Ты думал, я не вернусь назад,
Но я пробрался однажды в щель между строк,
Я взломал этот мир, как ржавый замок,
Я никогда не любил ворожить, но иначе не мог...
Канцлер Ги «Дитя Анэма»*

Правильно подметили когда-то умные люди, что нет ничего хуже, чем ждать и догонять, но именно сейчас Виктор предпочел бы куда угодно ехать или бежать, и кого угодно преследовать, мчась, задыхаясь и рискуя сломать ноги, да вообще хоть что-то предпринимать, чем вот так сидеть сиднем в помещении следственного отдела и дожидаться вердикта дежурного патологоанатома, от которого зависело их будущее.

Мерно тикали настенные часы с утолщенными стрелками со скругленными концами, напоминавшими... напоминавшими, в общем, из-за чего штатный остряк опергруппы Вовочка Гладышев когда-то метко окрестил их «хренометром». И ведь приклеилось название, с хлоркой не отскребешь. И сейчас, по мнению хренометра они и ждали-то всего ничего, какой-то час, а напряжение в комнате ощущалось уже на уровне нервных клеток. И было отчего.

Будучи сегодня дежурным следователем, Виктор понимал, что этот труп отдадут ему, вопрос был в том, станет ли это тело единственным. И этим же вопросом задавались остальные сослуживцы, которых это могло коснуться. Потому что по Москве и области с разницей в два с половиной года уже «прошли» два дела об убийстве, совершенными очень похожим способом. И оба так и остались нераскрытыми. И если сейчас судмедэксперт подтвердит идентичность почерка убийцы в третий раз, деваться будет некуда: придется признать, что это серия, и объединять дела. И отвечать за их раскрытие и ловить маньяка придется тому, на кого «повесят» сегодняшний труп.

И не надо быть Вангой, чтоб предсказать, с каким облегчением коллеги свалят на него свои «глухари»! И Вольфом Мессингом не надо становится, чтоб сообразить, насколько подобная ответственность за поимку маньяка никому не нужна. Виктор и без того слышал в курилке как служивый народ чуть ли не ставки делает на то, какому райотделу «повезет» стать крайним в этом расследовании.

По всему выходило, что их. И лично ему, старшему следователю Панкратову.

И тут раздался звонок его телефона, от резкого звука которого все чуть не подпрыгнули. Звонил судмедэксперт Панаев, которого все мало-мальски знакомые с творчеством Булгакова, упорно именовали Скабичевским.

- Извини, Виктор, - виновато сказал он, отчего у самого Панкратова немедленно заныли зубы. – Это серия. Мои соболезнования. Одежду, подногтевое содержимое, смывы и пробы я уже упаковал для передачи экспертам.

Что-то в этом роде Виктор и без того подозревал, поэтому только рассеянно кивнул на соболезнования Панаева. А напряженно ожидавшим сослуживцам мрачно буркнул:

- Приплыли. У нас маньяк.

Получив материалы теперь уже по трем эпизодам, Виктор заперся в кабинете, потребовав не трогать его несколько часов, и углубился в подробности.

Первый случай нападения произошел в поселке городского типа Вербилки Талдомского района. На тело весной наткнулись собачники, когда начал сходить снег, поэтому точное время смерти установить не представлялось возможным. Личность погибшего тоже осталась не установленной, но, поскольку, судя по зачуханной и вонючей одежке, он явно принадлежал к лицам без определенного места жительства, с расследованием никто особенно не напрягался. Без энтузиазма опросили местных жителей, настрочили формальные отписки, а через год труп, как неустребованный, спихнули в общее захоронение бесхозных тел.

В чем-то Виктор их понимал, толку-то колотиться ради какого-то никому не нужного бомжа, списали все на пьяные разборки бездомных маргиналов и выкинули из головы. Тем более, что никаких следов нападавшего не осталось. А остались только фотографии ран. Странные фотографии. И раны странные. Сам Виктор так с ходу бы сказал, что несчастного бомжа кто-то переехал, а потом покогтил. Причем этот кто-то привел с собой для экзекуции не иначе как тигра или льва, иначе откуда еще такая лапища могла взяться? Главное теперь, к началству не сунуться с версией, что по Вербилкам рассекает ненормальный укротитель на грузовом транспорте, вывозящий по ночам крупного хищного питомца порезвиться и поохотиться на местных бездомных. Его быстро отправят проверить мозги!

И что у него в сухом остатке? Что у него есть? Да почти ничего: личность погибшего – неизвестна, мотив – неизвестен, время смерти – неизвестно, известно только, что убийца тот еще затейник. Так что здесь точно «глухарь».

Второй случай нападения произошел уже в Москве, в парке Сокольники. На сей раз труп обнаружила группа пенсионеров, занимавшихся скандинавской ходьбой. Еще бы они его не обнаружили, когда тело лежало аккуратно поперек «тропы здоровья», по которой они обычно совершали свои променады! Что характерно, среди престарелых спортсменов не нашлось желающих упасть в обморок, наоборот, они немедленно отзвонились и в скорую, и к ним, и до приезда опергруппы бдительно охраняли территорию места преступления, не приближаясь, и не позволяя зевакам затаптывать следы. За что Виктор мог сказать им искреннее спасибо, поскольку на сей раз хоть какие-то следы убийцы обнаружить удалось.

Только вот следы эти ни к кому конкретному не вели. Ну сняли оперативники следы обуви, ну исследовали эксперты одежду погибшей, и что? Ни посторонних отпечатков, ни чужих потожировых, ничего! Такое ощущение, что погибшая пришла сюда зачем-то (зачем, кстати?), наткнулась на убийцу (которого тоже непонятно зачем в Сокольники понесло!) и немедленно была отправлена им в лучший мир. Потому что следов сопротивления тоже не было. А вот следы порезов, напоминавших когти, были. Оставалось думать, что некто бродил по парку с целью замочить кого ни попадя и в результате напал на эту молодую девушку с букетом, которой не повезло подвернуться ему под горячую руку.

Ага, а тело оказалось полу раздавленным, потому что с собой он принес бетонный блок, весом в центнер, каковой и уронил на девушку. Которая в этот момент смирно стояла и ждала, когда же ее лишат жизни. Потом он этот блок поднял и держа его в одной (одной, Карл!) руке, другой полосовал то ли уже умершую, то ли умирающую жертву.

Бред. И на прогулку с хищной кисой на поводке а-ля Казимир Алмазов такое не «списать», поскольку в парке обнаружились только человеческие следы. А следы обуви... а что следы обуви? Если у преступника есть мозги, а они у него явно есть, он ту пару обуви, в которой был во время убийства, давно испортил и выкинул, причем подальше от парка и в разные помойки, чтоб даже бомжи побрезговали ею воспользоваться. Одежду тоже.

А камеры? А камер вокруг парка немного, и, что характерно, подавляющее большинство тех, кто на них попал, облачены в спортивную и прогулочную одежду. То есть нечто полусвободное и порой даже слегка мешковатое. А поскольку с учетом прохладной и дождливой

погоды у многих появилось желание набросить на головы капюшоны курток и худи, а за неимением оных натянуть кепки, то возможность точной идентификации посетителей парка этим утром стремилась к нулю.

Но на сей раз данных было все-таки побольше, поскольку эту жертву опознали. Гаркушева Маргарита, двадцать три года, проживала с матерью на улице Кибальчича, 14. После школы пыталась поступить в Финансовый Университет при Правительстве РФ, но не добрала баллов. Трудилась кассиршей в сетевом супермаркете. Не была, не состояла, не участвовала. Средненькая внешность, средненькие способности, обычная, ничем не выделяющаяся жизнь. Матушка, трудящаяся уборщицей в детском саду № 271. Отец, умерший три года назад от инфаркта. Никаких сомнительных или криминальных знакомств. С бывшим парнем мирно рассталась примерно полгода назад, он давно уже в отношениях с другой девушкой, и они даже вроде как готовятся к свадьбе. Вот за что тут зацепиться?

Но одна ниточка все-таки нашлась. Слабенькая, сомнительная, но тут уж хоть какая, не до жиру, некоторым образом! Ее сослуживицы в супермаркете припомнили, что в последнюю неделю Ритка ходила какая-то вся из себя загадочная, туманно намекала на большие перемены в жизни и фантастическую любовь. Был, значит, у девушки какой-то сторонний марьяжный интерес, явно был! Вот только подробностей, кто именно этот человек, не было. Не захотела девушка делиться подробностями ни с матерью, ни со знакомыми. Как она сама сказала «чтоб не сглазить». Вот и не сглазила...

А у них по-прежнему толком ничего... кроме неавторизованного номера в телефонной книжке. Надо отдать должное, оперативники Алексеевского района Северо-Восточного автономного округа прочесали все возможные места в округе, где потерпевшая хотя бы теоретически могла «засветиться» со своим таинственным кавалером: кафе, рестораны, гостиницы, кинотеатры, ну не по парку же Сокольники он ее постоянно таскал на прогулки! Никого и ничего. Отсмотрели километры записей из цветочных, кондитерских и ювелирных магазинов, и снова ничего не обнаружили.

Так бы и это дело «зависло», но нашелся один упертый участковый, капитан Широков, который додумался до простой, но интересной мысли: если никаких следов встреч на камерах не просматривается, а встречаться Маргарита со своим хахалем где-то была должна, значит у искомого ими мужчины есть квартира или доступ в нее. В которой, скорее всего, нет посторонних свидетелей. И он начал методично отрабатывать все квартиры в округе, где проживали одинокие мужчины. И в процессе опроса ему повезло, нашлась съемная квартира в Зубаревом переулке, которую в интересующее оперативников время снимал немногословный мужчина непримечательной наружности. Ушлый капитан даже изъясил запись камеры у одного из пунктов доставки маркетплейса, на которой видно, как девушка направляется именно к этому дому.

Но в квартире их снова ждало разочарование, все поверхности были буквально вылизаны с применением хлорсодержащих средств. А попытка составить фоторобот жильца напоролась на плохое зрение очень немолодой хозяйки, которая и видела-то его один-единственный раз, когда отдавала ключи и получала деньги. Наличными, что характерно.

Купюр не осталось? Какое там, махнула сухонькой ручкой бабулька, в тот же день все отдала, чтоб закрыть долг внука. Я ведь почему квартирку-то сдаю, пояснила она, внучок, Лешенька, бизнес пытался открыть, но прогорел, теперь мы всей семьей пытаемся его долги погасить.

А связывались Вы с жильцом как? Так он позвонил, удивилась бабулька. Сослался на то, что один из прежних жильцов ему мой номер дал, очень мою квартирку рекомендовал, вот я ему жилплощадь и не побоялась сдать.

А номер в контактах остался? Бабулька с сомнением пожала плечами и протянула операм свой допотопный мобильный аппарат чуть нее прошлого века, разве что не кнопочный.

Номер звонившего в контактах остался. Но одноразовый, без регистрации. И кроме хозяйки квартиры по нему больше ни с кем не связывались. Так что, даже несмотря на все усилия сообразительного участкового, здесь тоже получался «глухарь».

Строго говоря, все рассуждения той опергруппы были малость того..., притянуты за уши. То, что девушка направлялась к этому дому, совершенно не означало, что она шла в ту самую съемную квартиру. То, что в ней проживал человек, решивший не оставлять своих следов, совершенно не означало, что он был с Маргаритой знаком и решил ее убить.

И вот тоже: а с чего бы ему приспичило ее убивать? Ну, познакомился ты с девушкой, ну, запудрил ей мозги грядущей женитьбой, чтоб была ласковой и покладистой, ну, в какой-то момент надоела она тебе, так объяви ей о разрыве или просто без лишних слов съезжай со съемной хаты, в чем проблема-то? Зачем лишать ее жизни, да еще таким необъяснимым способом? Зачем оставлять на «тропе здоровья» тело в такой позе, как будто она распята? Зачем рассыпать на груди красные гвоздики?

Хотя, конечно, маньяки, они такие маньяки, у них бывают свои причины как для совершения преступления, так и для оформления последующего антуража, нормальному человеку не понятные. Но списывая все непонятные факты на чью-то извращенную логику, сильно он в расследовании не продвинется, это факт.

Была и еще одна странность: что общего у этой кассирши с ранее убиенным безымянным бомжом? Не совпадают ни пол, ни возраст, ни место обитания, ни социальное положение... только сам способ убийства. И почему его тело постарались припрятать, завалив снегом, а ее труп выставили как на витрине? Да еще в таком странном месте. Возможно, его спугнули спортивные и бесстрашные пенсионеры?

Может и к лучшему (Виктора аж передернуло от этой внезапно пришедшей в голову мысли), что «нарисовалось» еще одно тело, и появятся хоть какие-то новые закономерности? И расследование сдвинется, наконец, с воистину мертвой точки?

Так что у нас по третьему эпизоду? А вот тут все было куда интереснее: третья жертва оказалась достаточно известной личностью, ну, во всяком случае, в узких кругах. Березкина Лариса, двадцать четыре года, ландшафтный дизайнер, и по совместительству блогер. Вот у нее и оба родители были живы, и бойфренд наличествовал, и подруги имелись, и подписчиков оказалось несколько тысяч, и вообще девушка вела невероятно активный образ жизни в отличие от тихой непримечательной Маргариты. Только вот закончили жизнь обе одинаково: лежа на спине с раскинутыми руками и гвоздиками на груди. И со сломанными ребрами и непонятными как процарапанными ранами под букетом.

Обнаружили тело соседи в палисаднике дома, где девушка снимала квартиру, по адресу Раменский бульвар, дом 25, корпус 3. Вышедший рано утром на работу электрик Викентьев как из подъезда вышел, так больше никуда и не дошел, потому что сначала вызвал по телефону стражей порядка, а потом их дисциплинированно ждал. Саму девушку он припомнил смутно, потому что знаком с ней не был, а поскольку жила она в доме недавно, не более двух месяцев, сильно примелькаться другим проживающим не успела. «Вроде видел в лифте», — вот и все, что свидетель сумел сообщить при первичном опросе. А когда на него попытались надавить, мол, неужели не замечал в своем подъезде симпатичную молодую девушку, огрызнулся, что у него по жизни проблем и без того хватает, ему только неприятностей с разными там... тут он неопределенно покрутил в воздухе рукой... не доставало!

А почему с разными там, немедленно вцепились оперативники? А вы видели в чем она одета, хмыкнул в ответ немолодой электрик? А я вот разглядел, пока вас ждал: в таком виде только vip-клиентов горизонтально принимать, а не к ранней литургии собираться!

Ну... вообще-то да, нехотя согласились опера, повнимательнее приглядевшись к жертве, такое бельишко можно на себя нацепить с одной-единственной целью: чтоб его с тебя побыст-

рее сняли. А раз уж оно осталось на теле, это свидетельствует только о том, что убийца не собирался с ней сливаться в экстазе. А, значит, целенаправленно шел убивать.

Раз уж все три эпизода объединены в общее дело, Виктору предстояло наметить розыскные мероприятия с учетом прошлых дел. Дактилоскопическая экспертиза – пробить по базам снятые в квартире жертвы отпечатки и потожировые. Механоскопическая – проверить замки на наличие следов взлома. Транспортно-трасологическая – исследовать следы обуви и инструментов внутри квартиры, а также следы транспортных средств у подъезда, молекулярно-генетическая – на предмет обнаружения посторонней ДНК, и, наконец, компьютерно-техническая для проверки телефона, цифровых носителей и электронных документов.

И, разумеется, поквартирный обход. Ему как воздух сейчас нужна любая зацепка, которая сможет пролить свет на обстоятельства смерти третьей жертвы. В идеале – получить фоторобот предполагаемого преступника. Или нащупать хоть какую-нибудь связь между погибшими девушками. Потому что надежды на телефон жертвы не было, ее общение с убийцей происходило через мессенджер с исчезающими сообщениями.

А пока... он вправе своей волей «расписать» проведение экспертиз по делу именно их территориальному экспертно-криминалистическому центру, потому что иметь дело с задаваками из Центральной ЭКС МВД России, заседающих на улице Космодемьянских, ему было совершенно не в тему. Пользуясь тем, что экспертно-криминалистическая служба хоть и находилась в подчинении МВД, но представляла собой систему структурно самостоятельных подразделений, не зависящих в своей судебно-экспертной деятельности от органов дознания и предварительного следствия, эти умники никогда не снисходили к просьбам «с земли» ускорить проведение того или иного исследования, даже когда от их заключения зависело не просто расследование, а чья-то жизнь.

Твари высокомерные, одно слово. А вот шансы договориться с сотрудниками ЭКЦ, расположенном на их территории, были. Там обитало не начальство, а такие же работяги, которые могли пойти навстречу и ускорить проведение требуемых экспертиз по их делу, и даже поработать сверхурочно, если в том была необходимость. Вот теперь можно и телефон разблокировать и пойти посоветоваться с сослуживцами из своего отдела, глядишь, ребята чего умного подскажут, вдруг он что-то упустил...

Посоветоваться, да... мрачно думал Виктор, глядя на сослуживцев: его коллеги по следственному отделу вместо того, чтоб заниматься делами, яростно спорили какое прозвище следует дать «проклюнувшемуся» маньяку. Ну да, это давняя неписанная традиция, но как послушаешь, что они несут, ушки же вянут! «Давитель», «Крушитель», «Цапок», и даже «Шкрабун» и «Коготун». Так вот посмотришь, вроде взрослые люди, специализирующиеся на расследовании тяжких преступлений, в частности уголовных дел об умышленных убийствах, а ведут себя как прыщавые подростки, спорящие о фигуристых достоинствах соседских девчонок.

Виктор, конечно, попытался призвать расшалившихся коллег к порядку, но наладить конструктивное обсуждение удалось не сразу. Но удалось. Сосредоточившись на деле, сослуживцы напрягли мозги и подкинули для начала мысль о цветах: где-то же убийца их покупал? Или заказывал? Не на подоконнике же он букеты для будущих жертв в горшке выращивал! Логично, значит следует проследить путь гвоздик от магазина к убитым, и он даже знает, кого из опергруппы этим озадачить.

Вторую идею подбросил Юра Рассказов, предложивший тщательно промониторить всю Интернет-активность последней жертвы. Если у предыдущей кассирши был только полузаброшенный аккаунт в «Одноклассниках», то блогерша по его меткому замечанию «по любому светилась в соцсетях как лампочка Ильича в избе без окон». Именно там можно было получить все данные о ней, чтоб потом «подъезжать» к ней максимально подготовленным. Опять правильно, кивнул сам себе Виктор, делая очередную пометку, наверняка их продуманный убийца

не сразу к ней подкатил, а тщательно подготовился к контакту, просмотрев всю предоставленную ей же самой информацию. И мог оставить свои следы в сети.

Третий путь вероятного обнаружения следов подсказал Морошкин Валя. Камеры. Подъездная, уличные, да вообще расположенные во всех местах, где бывала блогерша в последнее время, согласно геолокации ее телефона. Может, хоть где-то рядом с ней и мелькнет их неуловимый маньяк? Иначе непонятно, как и где он ее охмурял и склонял к интиму, а он однозначно это делал, раз уж она даже фривольное белье нацепила, готовясь к близкому контакту с ним!

Свою лепту в обсуждение внес и Федя Доронин, предложивший прошерстить все гостиницы и съемные хаты в округе, аргументируя это тем, что серийники, насколько он знает, предпочитают не менять удачный модус операнди, и, если уж он для укромных встреч с предыдущей жертвой догадался снять жилье, наверняка и сейчас так же подстраховался, вряд ли он рискнул бы «светить» свое истинное место проживания в данном случае.

А простодушный Саня Логовой брякнул:

- И надави заодно на ребят из нашего ЭКЦ, чтоб не тормозили с исследованиями! У тебя же там был какой-то блат у экспертов!

Блат ему, мысленно огрызнулся Виктор. Ну, была у него возможность подкатить с просьбой к одной из служащих их экспертно-криминалистического центра, но именно что была! А вот уже две недели как ее нет. Нет, он, разумеется, пойдет на поклон к их начальству, «настоящий полковник» Сутормина Юль-Дмитна тетка понимающая и своих сотрудников напряжет по максимуму, чтоб не облажаться в таком резонансном деле, как поимка серийного маньяка. И Глаша честно проведет порученные ей экспертизы, но... именно что по долгу службы. А не для того, чтоб ему помочь.

Потому что не так давно право просить ее, о чем бы-то ни было, он утратил.

Но кто же знал, что все так по-дурацки вывернется?!

То, что его семейная жизнь катится под откос, Виктор отчетливо понял где-то через пару лет после свадьбы. Собственно, звоночки о том, что не уживутся они с Машей и раньше были, взять хотя бы тот факт, что его когда-то «подловили» на беременности, при том, что он не был намерен расставаться со свободой. Так что, когда его временная, как он думал, партнерша внезапно сообщила ему о том, что срок у нее уже десять недель и надо что-то решать, он малость растерялся. А кто бы на его месте не растерялся?

Нет, он быстро сгреб в кучку последние мозги, и немедленно попросил матушку найти хорошего гинеколога, к которой и потащил свою девушку на прием, только вот ответы врача Маскаевой были... скажем так, не особо утешительными.

Потому что период развития плода соответствовал третьему месяцу первого триместра беременности. Виктора оглушило объяснением, что в этот момент зародыш уже достигает четырех сантиметров в длину, и у него начинают формироваться некоторые внутренние органы. А это в свою очередь значит, что он плотно прикреплен к стенкам матки. И аборт на данном сроке является очень рискованной процедурой, непоправимыми последствиями которой для женщины могут стать: бесплодие, дисбаланс иммунной системы, непроходимость маточных труб, гормональный сбой, нарушение почечно-печеночных функций и циркуляции крови.

Вот так, мужик, и давай, принимай теперь решение насчет хирургического вмешательства, которое не просто приведет к гибели этого... у которого уже формируются внутренние органы, а может еще и крепко навредить матери.

Кстати! А как насчет медикаментозного аборта?

А не получится, врач только и развела руками. Он возможен на сроках до шести-семи недель, а у вас, сами понимаете...

Виктор пообещал Маше подумать, купил по дороге бутылку коньяку, и поехал к родителям. Где и рассказал им о происходящем, предварительно накатив пару рюмок горячительного.

Услышав про длительный пропуск момента, пригодного для проведения аборта при помощи таблеток, матушка только понимающе усмехнулась и прямо сказала Виктору:

- «Поймали» тебя, сыночек. Впрочем, может, все к лучшему, сам бы ты еще лет пятнадцать тянул со свадьбой и детьми, а тут все поднесли на блюдечке. Квартира у тебя есть, вдвоем в двушке жить можно, только свою девушку не торопись к себе прописывать, мало ли как судьба обернется...

- Так ли это хорошо, - усомнился отец, - женитьбы по залету, как правило, самые непрочные. И, кстати, кто сказал, что она беременна именно от нашего сына? Может просто нацелилась захомутать молодого-перспективного с жилплощадью и небедными родителями, а сама ребенка от кого-то другого нагуляла?

— Это элементарно проверяется, - успокоила его матушка, - но есть у меня нехорошее подозрение, плавно переходящее в уверенность, что она не врет.

— Это еще почему? – любопытствовал отец. И ехидно прищурился:

- Никак тебе видение свыше было насчет кристальной честности этой девицы?

- А тебе бы все зубоскалить! – шутливо замахнулась на отца полотенцем мать. – Нет, просто раз уж она оказалась достаточно пройдошливой, чтоб своевременно залететь, и достаточно терпеливой, чтоб не проболтаться нашему сыну до того, как выбор будет простым – либо хирургическое вмешательство, либо роды, именно поэтому я думаю, что она сказала правду. Не могла такая продуманная девица не понимать, что проверка на отцовство последует и я думаю, она покажет, что это витин ребенок. При наличии хоть капли мозгов, а у нее их, похоже, всяко побольше, подсовывать ему чужой плод и так рисковать она бы не стала...

- И как это можно проверить? – отец деловито перешел к уточнению деталей.

- Да та же Наташка Маскаева не откажется провести анализ биопсии ворсин хориона, такой анализ делается именно с девятой по двенадцатую неделю беременности. Позвоню-ка я ей прямо сейчас и договорюсь, когда можно будет к ней еще раз подъехать... Кстати, надо начинать думать, где проще отпраздновать свадьбу...

И тут Виктора прорвало:

- Слушайте, дорогие родители, вы тут так замечательно все мои будущие действия расписали, а меня самого спросить никто ни о чем не хочет?!

Родители посмотрели на него с одинаковым жалостливым выражением лиц.

- О чем нам следует тебя спросить, сынок? – ласково пропела матушка.

- О том, хочу ли я вообще связываться с Машкой!

- Я уже поняла, что не особо хочешь..., но выхода из этой ситуации ровно два, - терпеливо, как маленькому, объяснила мать. – В первом случае ты женишься, и вы дружно воспитываете общую детку. Если не получается ужиться, разводитесь, но потом. Во втором случае ты сразу отказываешься, но тогда просто прикинь возможные последствия - эта шустрая и целеустремленная девочка все равно рождает вне брака, а потом устраивает тебе веселую жизнь: подает в суд на признание отцовства и выплату алиментов, начинает натуральную травлю тебя в соцсетях, где плачет на камеру крокодиловыми слезами, что она тебя любила, а ты, подлец этакий, поматросил и бросил ее с ребенком, и симпатии окружающих, поверь мне, будут не на твоей стороне! У тебя подходит время к получению очередного звания, так вот, можешь с ним заранее распрощаться! И вообще с работой будут проблемы: твои же сослуживцы после такого афронта могут руки тебе не подать. Осуждение обществом, штука, к сожалению, очень предсказуемая...

- И, кроме того..., - мать слегка замялась, - Вить, сколько мы тебя знаем, ты всегда был человеком ответственным. Ты точно сможешь спокойно жить, зная, что где-то там растет твой ребенок без тебя?

Тушë. Не сможет. Цепляясь за последнюю призрачную надежду, Виктор спросил:

- А если этот... как его там... анализ покажет, что я ни при чем?

- Тогда и разговаривать будет не о чем! Так я звоню Наталье?

- Звони...

И да, взятая у Маши БВХ подтвердила отцовство Виктора. И проведенный на шестнадцатой неделе неинвазивный пренатальный тест ДНК также свидетельствовал о том, что это его ребенок. И Виктор перестал сопротивляться. На свадьбе невеста выглядела прекрасно, а чуть оттопыренный животик неплохо скрадывался фасоном платья, выполненного в греческом стиле. Линия пояса располагалась высоко под грудью, а юбка спадала складками, так что факт не самого маленького срока беременности особо в глаза не бросался.

И до рождения ребенка Маша вела себя безукоризненно, как и полагается молодой счастливой жене и будущей матери. Неприятности начались, когда Виктор привез их из роддома домой.

Первое, что Виктор дома от нее услышал, что в квартире полно пыли, и почему он не вызвал клининговую службу? Отмахнувшись от его объяснений, что клинеры были аккурат вчера, Маша кинулась в дебри Интернета, чтоб найти такую клининговую компанию, которая специализируется именно на уборке помещений для грудных детей или аллергиков. То есть использует только те моющие средства и порошки, от которых у малышей гарантированно не будет кожных высыпаний или, не к ночи будь помянут, отека Квинке. Ему пришлось отныне оплачивать очень недешевые услуги уборщиков, но тут он возникать не стал. Даром что у дочери никакой аллергии не наблюдалось, а его зарплата вполне выдерживала подобные расходы.

А в конце первого месяца ее жизни пришло время подавать в ЗАГС заявление о ее рождении и выбрать, наконец, девочке имя. Маша старательно пропускала мимо ушей все, что ей советовали родственники с двух сторон и умудрилась назвать дочь Анжеликой. И плевать ей было на то, что пик моды на это имя прошел еще в прошлом веке.

Но неприятности только начинались. Сначала у нее не хватало сил на приготовление еды. Ну, ладно завтрак, Виктор, чай, был не безрукий, и уж как-нибудь самому себе сварить кофе и настрогать пару бутербродов был вполне в силах. На работе была столовая, так что вопрос с обедом решался просто, но вот ужин... ужин в доме отсутствовал как класс. При этом на намеки, что муж голодный, Маша огрызалась, что весь день возится с дочерью, стирает, гладит, устает и не успевает с готовкой. Его матушка начала приезжать к ним по субботам и готовить пятилитровую кастрюлю супа на неделю. Ее маманя, наоборот, предпочитала приезжать исключительно в будний день и привозить торты или пирожные.

И если готовить жена не успевала, то по телефону трепаться она прекрасно успевала. Позвонив несколько раз домой днем и нарвавшись на «занято», Виктор потихоньку проверил ее мобильный: по пять-шесть звонков в день ее подругам. Причем длительностью не менее получаса каждый. Понятно, что с такой общительностью о приготовлении еды речь не идет, какая такая готовка, тут бы поговорить успеть!

На его вопрос почему вместо выполнения домашних обязанностей время тратится на триндеж по мобильнику, Маша устроила затяжную истерику с битьем посуды и швырянием вещей. Виктор узнал много интересного и неожиданного. И зачем он полез в ее телефон, как проверяющий жандарм и держиморда, и как ему хорошо и удобно сбегать от проблем на работу, бросая все на нее, и что она уже не помнит, когда спала больше трех часов подряд, и почему от него по дому никакой помощи, и когда она, наконец, сможет отдохнуть?!

Виктор успокаивал ее как мог, пытаясь напомнить, что все через это проходят с грудными детьми, но услышан, как ему показалось, не был. Но настоять на сокращении времени общения по телефону с подругами ему все-таки удалось.

Потом у нее начало в нервах пропадать молоко, и дочку пришлось переводить на смеси. А вот на них у Лики началась та самая крапивница. Покраснения, зуд, волдыри, хорошо хоть до ангиоотеков дело не дошло. Но теперь дочь просыпаясь начинала скулить и плакать.

- Ищите раздражитель, мамочка, - сказали Маше в детской поликлинике. – И постарайтесь его исключить.

Найти-то они его нашли, но на то, чтоб подобрать вместо него гипоаллергенную детскую смесь без лактозы и пальмового масла ушло не меньше двух недель, в течение которых они юлой крутились вокруг хнычущей дочери, поочередно укачивая ее на руках и не зная, чем еще помочь. И первую же спокойную ночь с началом подкорма дочки безопасной смесью оба восприняли как милость небесную, не меньше.

Потом Лика подросла, начала ходить, и ее уже можно было подбрасывать на выходные бабушкам и дедушкам, освобождая время на то, чтобы самим молодым родителям сходить в гости или в театр. Казалось бы, живи и радуйся, но Маша и здесь умудрилась найти нечто, ее не устраивающее. Поэтому после очередного похода в гости к его сослуживцам она снова устроила ему разборки на ровном месте. И готовит-то жена Морошкина невкусно, окончательно помешавшись на своем веганстве, и относится-то жена Доронина к ней отвратительно, даже не скрывая при общении своего презрения, а сам он, оказывается, давно заглядывается на Юрину Светку, поэтому и к Рассказовым в гости она тоже больше не пойдет!

Вот тут уже Виктор взбрыкнул и проорал, что с него хватит, и он немедленно подает н развод! Выскочив из дому, он отключил телефон и уехал к родителям, благо на машине до их коттеджного поселка было ехать не более часа. Проведя на природе двое суток в блаженной тишине, с родителями и Ликой, которую с утра пятницы забрали бабка с дедом, он ехал на работу с твердым решением развязаться, наконец, с этим постылым браком, но не тут-то было.

Маша маячила у входа на его работу и немедленно кинулась ему на шею, заливаясь слезами. Она самозабвенно рыдала, что была уверена в том, что он попал в аварию, потому что его телефон не отвечал, а она волновалась, и что обзвонила на всякий случай все больницы и морги, и его нигде не было, и что она уже потом сообразила, где он может быть, и что нельзя же так ее пугать, потому что она за малым делом не заработала инфаркт... Тогда ей удалось убедить его, что ничего еще не потеряно, и они смогут ужиться вместе хотя бы ради Лики.

Но в гости к своим сослуживцам он ее больше не брал, выслушивать шпильки в сторону их жен ему удовольствия не доставляло. Зато теперь шпильки начали доставаться ему, как человеку, бросающему жену ради удовольствия лишний раз полюбоваться на физиономии коллег.

- Тебе их на работе мало? – раздраженно спрашивала Маша, стоило заикнуться, что они с мужиками собрались в пятницу в боулинг. – Что у вас там за кубло такое странное, собирающееся без жен? Может, вы тайком по бабам ходите?

А вот тут она почти угадала, потому что холостой Саня Логовой периодически зазывал их в сауну с девочками, и если Юра с Валею неизменно отказывались, то они с Федей не реже двух раз в году соглашались на его предложение, но при этом шифровались со страшной силой, потому что никому из них огласка была не нужна. Правда и не чаще, потому что такие «побеги» должны были быть именно редким праздником, а не превращаться в рутину.

Поэтому он с честными глазами отрицал все ее подозрения, хотя мысль о том, что его не слишком тянет спать с женой, стала очередным тревожным звоночком в их семейной жизни.

Доучиваться в своем строительном техникуме после выхода из декретного отпуска Маша не захотела, но выйти на работу, когда Лике исполнилось три года, согласилась, видимо, очень ее достала «привязка» к дому. А кем можно трудиться без особого образования? Официант, бариста, администратор – все эти варианты ее не устроили. Очень ей хотелось устроиться на «чистую» и «престижную», по ее мнению, работу, например, флористом, но тут уже не согласились потенциальные работодатели в округе, им в свои «точки» требовалось работники, способные проявить хоть какую-то фантазию при составлении цветочных композиций, а не просто складывающие стебли с цветами в одинаковые букеты.

Единственной работой, которая не потребовала от Маши лишних усилий, оказалась работник торгового зала в ближайшем к дому супермаркете, а что? Ходьбы – пять минут от подъезда, обязанности несложные: выкладка товаров на полках, контроль актуальности ценников и сроков годности продукции. Между прочим, теперь можно было не бояться за появление в доме испорченных или просроченных товаров: для «своих» в магазине существовала целая система предупреждений о сроках свежести, акциях, а иногда даже уценки абсолютно пригодных к употреблению продуктов в связи с минимальным нарушением условий хранения.

И можно было теперь гордо писать в соцсетях, что она типа замзав крупного магазина, проверить-то такое по любому сложно.

Казалось бы, теперь можно сэкономить на продуктах и тебе еще платят зарплату, но Маша продолжала ныть, что им ни на что не хватает денег. Потому что он не может купить ей приличную иномарку, как у одной из ее знакомых (хотя, казалось бы, куда она на ней будет ездить?), что они отдыхают в Турции и Греции, а не в Парижах и Лондонах, как семья другой ее знакомой (а как она, интересно, представляет себе отдых в столичном регионе? При том, что в связи с ковидом и визу особо не получишь, и лететь надо с несколькими пересадками!), что ей нечего надеть (хотя в доме полки шкафов ломились от тряпок, заказанных на разных маркетплейсах!), и что его родители не соглашаются совершить с ними родственный обмен и переехать вдвоем жить в его двушку, оставив им на троих свою трешку. Одним словом, не жизнь у нее, а полный мрак, и все из-за мужа-недотепы. Который мог и бы и постараться, чтоб они жили не хуже других!

Виктор устал объяснять ей, что он, как герой Луспекаева «мзду не берет», потому и не гребет деньги лопатой, но все объяснения отлетали от нее как тот самый горох от той самой стенки. Она смотрела на него как на недоумка и продолжала методично выклеивать ему мозг на тему денег. Он продолжал надеяться, что она сумеет его понять, что все как-то обойдется, как-то стерпится-слюбится, но время шло, список требований рос, и становилось только хуже.

Апогей пришелся на первый день весны 2024. Придя в пятницу после тяжелой трудовой недели домой, Виктор настроился на спокойные выходные, и поначалу именно так и было. И голубцы были вкусные, и пиво оказалось с приятной горчинкой, и сказку с Ликой они почитали с перед сном с удовольствием, и, уложив дочь, с приятностью «вспомнили» с женой о супружеском долге. Но на этом приятности закончились, и именно с этого момента все пошло наперекосяк.

Маша, даже не дав себе труда встать с постели, недовольно высказалась о том, что вам, мужикам, только одного и надо, нет бы подумать о том, что у семьи до сих пор нет четкого понимания о том, как они проведут наступающее лето, а пора бы уже озаботиться покупкой путевок куда-нибудь в приличное место, а не в какой занюханный санаторий МВД имени Ленина, забитый старперами, куда, судя по всему, «любимый» муж в очередной раз вознамерился их с Ликой законопатить. И где из всех развлечений предполагается только допотопный телевизор в номере, и то, если повезет.

Но где ж ему подумать о семье! У него на уме только работа!

Виктор чувствовал себя тем бревном на лесопилке, в которое с методичным визгом и скрежетом вгрызается пила, оставляя после себя груды опилок от их бывших отношений. И попытался посмотреть на ситуацию со стороны: кто эта вечно недовольная женщина с не рассасывающейся морщиной между бровей в его постели? Ах, жена! А что ж она ведет себя как какая-нибудь старая, сварливая, всегда и всем недовольная ведьма? Где все то хорошее, что когда-то их связывало? Он ведь даже спать себя с ней буквально заставляет!

И чуть не в первый раз за последние годы подумал, а почему он все это терпит? Почему вообще он должен с этим мириться? Ради Лики? Достаточно ли ребенка, чтоб удержать его рядом с опостылевшей бабой?

А, пожалуй, больше нет.

И, одеваясь, он сообщил Маше, что теперь уже он устал, что с него хватит, и пообещал немедленно подать на развод. И уже не слушая ее криков в спину, оделся и выскочил за дверь, впервые за много лет ощущая себя свободным. Опомнился только на улице, когда холодный, пока не разу не весенний ветер, отрезвляюще хлестнул его по разгоряченному лицу.

И куда он пойдет? Нет, о возвращении домой речь не идет, но все-таки, к кому лучше попроситься на ночлег? Номера родителей были заблокированы, и тут он вспомнил, что они собирались на какое-то торжественное заседание, куда, кстати, приглашали и его отдел, и его самого, после которого намечался «отрыв» в ресторане. Виктор пролистал присланные сообщения, ну да, вот оно приглашение – сегодня отмечается «День криминалиста», приуроченный к моменту создания сто пять лет назад в столице Кабинета судебной экспертизы. Хм, а он ведь вполне успевает, еще десяти вечера нет, официальная часть, разумеется, давно закончилась, но в ресторации небось только самый разгар веселья. Там он и поговорит с родителями с глазу на глаз. И он решительно вызвал по телефону такси. Заодно заблокировав номер жены.

Веселье и впрямь имело место быть, так что Виктор с походом на корпоратив не прогадал. Но к родителям напрашиваться на ночевку не стал, потому что в мозг, бурлящий от ощущения свободы и принятого на грудь алкоголя, пришла свежая мысль, а чтоб ему, свободному мужчине, не соблазнить ли кого-то из присутствующих девушек? И если уж природа «повернула» на весну, то почему бы и ему не начать новый виток жизни? Благо служащих дам из их районного экспертно-криминалистического центра было заведомо больше, чем представителей сильного пола...

А тут еще он столкнулся на танцполе с Глашей. Они были до этого знакомы, но в основном на уровне от «Драгоценная, как бы Вас попросить не затягивать с проверкой потожировых наших подозреваемых, а с меня шоколадка» до «Держите, вот распечатки по запрошенным Вами экспертизам». Но да, она ему нравилась. Нравилась вообще, приятная, спокойная девушка, могущая помочь и побыстрее провести то или иное исследование, а тут его на ней прямо «заклинило». Он же теперь ничем не связан? Значит, может себе позволить вспомнить, что он не просто унылая рабочая и семейная функция, он прежде всего привлекательный самец. Он высок и спортивен. Харизматичен и обаятелен. Хорош и остроумен. Он, черт побери, капитан команды КВН в недалеком прошлом! Умеет смешить собеседницу, незаметно вплетая при этом в речь цветистые комплименты. Неужели все это так и пропадет втуне, не оцененное девушкой?

Девушка оценила, и утром второго марта Виктор проснулся не у себя дома, и не у родителей, а в чужой квартире, вдыхая запах незнакомых, но нежных духов, и чувствуя под рукой шелковистую кожу. Не зря он вчера припомнил все, что мог из полузабытого ритуала оболащивания, не зря! Эта весна для него началась отлично! Он развяжется, наконец, с надоевшим браком, а наличие постоянной партнерши в его холостяцкой жизни – это отдельный приятный бонус, которого ему так давно не хватало.

И, пообещав проснувшейся Глаше устроить на эти выходные праздник, он первым делом поехал в районный ЗАГС. Это, может, какие другие заведения по субботам и воскресеньям не работают, а вот ЗАГС это не касается! У них самая работа в выходные. И заявление на развод у него приняли без звука, правда, когда о причине развода Виктор буркнул «задолбала», ему мягко посоветовали изменить формулировку на «не сошлись характерами».

Не сошлись, кивнул он, и формулировку послушно изменил. А потом позвонил родителям и признавшись в своих действиях, попросился пожить с ними с вечера ближайшего понедельника. Мудрая матушка поахала насчет того, как развод отразится на Лике, но, что характерно, задавать вопросы о том, где он провел эту ночь и где намерен провести две последующие, задавать не стала. Видимо, заметила его вчерашние маневры вокруг Глаши.

А Виктор отбил Маше СМС-ку о том, в каком ЗАГСе принято его заявление и что о времени явки на суд ей пришлют повестку, и окончательно загнал ее номер в «черный спи-

сок». Потому что теперь его волновали совершенно другие заботы: он обещал своей девушке праздник? Он его устроит! И если, заехав на рынок, он быстро закупил вкусных фруктов и ягод, решив, что приобрести шампанское в алкомаркете не проблема, а горячее можно будет и с доставкой заказать, то вот по поводу цветов он растерялся. Надо бы... положено... а какие?

Отец матери всегда дарил исключительно пионы, это Виктор помнил, сам он раньше приходил на свидание с розами, не интересуясь, какой цветок у девушки любимый... а вот сейчас очень захотелось угадать и угодить. Ну, или хотя бы сильно не промахнуться, потому что не монтировалась у него мягкая Глаша с колючими высокомерными розами. И он снова позвонил матушке.

Та даже не удивилась, а деловито просветила сынишку насчет того, что март – сезон тюльпанов, нарциссов и гиацинтов. Тюльпаны – так вообще идеальны для подарка в начале весны и легких, необременительных отношений. При этом не следует останавливать выбор на слишком ярких или темных цветах. И что для первого подарка подходит не огромный веник, а именно небольшой букет.

Виктор окинул взглядом цветочные ряды и задумался. Дарить нарциссы ему почему-то не хотелось. Они вызвали у него странную ассоциацию с яичницей. Тюльпаны... уже лучше, но их как раз в начале марта и без того куда ни плюнь. А вот гиацинты, это не так заезжено, и он сумеет претендовать на оригинальность. И нарезанный ему букетик из трех веточек: бледно-лиловой, кремовой и белой показался ему вполне подходящим подарком для Глаши.

Он угадал, цветы ей понравились. Впрочем, ей понравилось и то времяпрепровождение, которое Виктор ей предложил. Он и сам с удивлением сообразил, что отвык от того, что партнерша, оказывается, совершенно не обязательно должна быть всем недовольна и постоянно пилить окружающих. Что оказывается, с некоторыми из них можно разговаривать и даже спорить о достоинствах очередного боярь-аниме.

Хорошо, что Глаше в голову не приходило читать столь любимые Машей сопливые лавстори о землянках-попаданках и драконах. И смотреть она предпочитала фильмы о приключениях или космосе.

Он приезжал к ней на выходные и на двое суток выбрасывал из головы проблемы и неприятности. С ней ему было спокойно и тепло, и хотелось, чтоб так было всегда. Ни истерик, ни скандалов, ни требований. И готовить еду у нее получалось с удовольствием, а не из-под палки. Только иногда он вспоминал о том, что впереди у него бракоразводный процесс, но предпочитал пока не засорять этим мозг, вот когда придет время проходить через это, тогда он и напряжется, а пока надо радоваться тому, что есть.

То, что просто не будет, Виктор понимал. То, что на первые два судебных заседания Маша не пришла, его не удивило, мотать ему нервы она научилась хорошо. Но вот на третьем заседании, когда он уже надеялся на то, что в этой ситуации будет поставлена точка, его поджидал сюрприз. Судья разглядывала его с на редкость суровым видом и чуть не сразу ошарашила его заявлением о том, что их паре не следовало тратить зря время суда, поскольку в их случае о разводе нее может быть и речи!

А это еще почему?

А потому, зачитала ему судья, что «...при принятии искового заявления о расторжении брака судье необходимо учитывать, что согласно статье 17 Семейного Кодекса РФ муж нее имеет права без согласия жены возбуждать дело о расторжении брака во время беременности жены и в течение одного года после рождения ребенка. При отсутствии согласия жены на рассмотрение дела о расторжении брака судья отказывает в принятии искового заявления, а если оно было принято, суд прекращает производство по делу (п.1 ч.1 статья 134, абзац 2 статьи 220 ГПК РФ)».

Чего? Какая беременность? Опять? А Маша стояла в зале суда с видом несчастной заблудшей овечки и глазами котика из «Шрека» и разве что ламинат на полу ножкой не

ковыряла, демонстрируя всю степень своей беззащитности и беспомощности. И прикрывалась справкой об одиннадцатинедельном сроке.

А ведь тогда, в начале весны, жена сказала ему, что у нее безопасный день, и он даже не подумал о предохранении. Кой черт его вообще в тот день дернул трахать изрядно надоевшую Машку? Тебя, дурака, опять обманули, с горечью сказал самому себе Виктор. Она опять вернула то же самое, как в первый раз. Вторая попытка покончить с не радующей его семейной жизнью сорвалась.

Надо было возвращаться домой, а домой не хотелось. Потому что следовало еще объясниться с Глашей, чего не хотелось еще больше. Виктор трусливо думал, что, он не успел рассказать ей о своих чувствах, что, собственно, впрямую он ей ничего не обещал, только говорил о том, что после его развода все изменится и они будут вместе, а что он мог сказать ей теперь? Что все его обещания были ни о чем? Что намеки на их общее светлое будущее оказались погребены под грузом ответственности, от которой так просто не отмахнешься? Что ему теперь отвечать за воспитание двоих детей?

Поэтому, сообщая новость Глаше, он очень старался ей в глаза не смотреть. Было неприятно. Было неловко. Было стыдно. Было... плохо ему было. Только вот и продолжать оставаться с ней он не мог. Не тогда, когда ему не было, что ей предложить.

А пребывать на должности временной любовницы без перспектив, Глаша не согласится. Поэтому, пряча глаза, Виктор мямлил, что сам не знал, что так выйдет, а теперь ему придется вернуться в семейное болото, и что он постарается со временем что-то придумать, а сам чувствовал, что зря он это делает.

Ой, зря!

Она ведь даже не устроила ему истерику, пока он собирал вещи. Что Виктора, с одной стороны, порадовало, а с другой, даже покорило. У них же расставание, так почему она так спокойно на его слова реагирует? Нет бы проораться со слезами, обвинениями, битьем посуды и мольбами ее не бросать, а вот фигушки! Ничего похожего даже близко! Аж закралась неприятная мыслишка, а, может, и не было их общение для нее столь же важным, как для него, потому и не пытается она сейчас его ни обвинить, ни задержать?

Как бы то ни было, покинул он ее квартиру без скандала, в очередной раз подумав, что от такой гири на ноге, как его жена, он, похоже, не отделается никогда.

Так что блат у экспертов, на который так надеялся наивный Саня Логовой, как говорится, был, да сплыл. А что оставалось, так это возможность посоветоваться с отцом. Непростым человеком был Герман Панкратов, чуйку имел такую, что к нему генералы и министры прислушивались. И ярче всего это проявилось во время событий 1993 года, когда перманентно нетрезвый президент попытался нарушить Конституцию и распустить Съезд народных депутатов и Верховный Совет. Когда 3 октября протестующие прорвали оцепление вокруг Дома Советов России, захватили здание московской мэрии и телецентр Останкино, именно его подразделение встало на защиту будущего руководителя России Александра Руцкого. Именно тогда часть руководства силовых структур страны (МВД, Министерство обороны и Министерство безопасности) предпочло иметь во главе государства более трезвую и вменяемую фигуру.

И танки были остановлены. И порядок в стране наведен. А все, кто сражался на стороне законной власти, получили свои бонусы. Отец Виктора по итогу сделал блестящую карьеру в МВД, умудряясь всегда выбирать правильное решение. И сыну в свое время тоже посоветовал связать будущее с силовыми структурами, чтоб иметь в своем распоряжении возможность хоть как-то влиять на происходящее.

И сейчас, выслушав новость о том, что именно на Виктора «повесили» дело маньяка, отец только покивал головой, и предрек сыну славу и почет по результатам раскрытия. Знает? Чует? Предвидит? Да какая, в сущности, разница?! Если отец так уверен в успехе, то и ему самому следует не кукситься, как нервная институтка, а впрягаться в работу!

И для начала постараться выстроить схему поведения этого деятеля, отталкиваясь от уже имеющихся данных. Возможно даже привлечь специалиста по маньякам, чтоб тот изложил ему свои умозаключения.

Рекомендованный ему знающими людьми сторонний специалист-профайлер Тихон Альбертович Стрельников больше всего внешне напоминал уютного домовичка. Этаким возрастной «божий одуван», у которого вокруг блестящей лысины развевались седые кудри. Только взгляд выбивался из общей картины, для милого дедули он был слишком цепким.

И мозг оказался таким же. Старичок заранее прочел присланные ему материалы и в личной беседе подтвердил то, что Виктор уже осознал: они имеют дело с серийником. Тихон Альбертович даже предложил для него кодовое название - «Цветочник», потому что эта заикленность на букетах для жертв не может быть случайностью, она часть некоего, пока неизвестного им, но обязательного для маньяка, ритуала.

- И что эти букеты на телах могут означать?

- Символизировать! – поднял сухонький указательный палец специалист. – Например, прощание с чем-то, что ему было дорого, скорбь из-за невозможности больше увидеться, сожаление о том, что пришлось так с ними поступить, возможно, обещание помнить о них.

- А к чему тогда укладывать их в определенную позу?

- Видите ли, Виктор Германович, этому тоже есть объяснение: некоторым маньякам свойственен патологический перфекционизм. Проще говоря, они сначала тщательно выбирают жертву, а потом скрупулезно обставляют и декорируют «поле смерти», чтоб некий обдуманный ими заранее антураж не был нарушен. Соблюдение декорирования до мельчайших подробностей – одна из тех «фишек», по которым маньяки, в частности, и определяются. Им зачастую присуще этакое любование очарованием смерти. Они от него, грубо говоря, ловят кайф.

Виктор почувствовал сильное желание сломать чью-то челюсть, и лучше не в одном месте. Кайф они ловят... ур-роды! Не просто норовят убить, а еще и поглумиться над телом, выстраивая какую-то свою, блин, эстетическую сценку. Но пока он не до конца понимал, при чем тут закопанный в снег бомж.

- Я готов допустить, что в случае с девушками сработал некий ритуал с декорированием этого... как Вы его назвали? «Поля смерти», но что произошло в случае с неопознанным телом? И где букет?

Стрельников неопределенно поводит в воздухе пальцами, как будто пытался поймать мелкую, но назойливую мошку.

- Этот случай резко выбивается из общей картины, - признал он. – Могу ошибаться, но полагаю, в данном случае имела место трагическая случайность, этот несчастный как-то подвернулся под руку нашему убийце... со смертельным исходом, и тот счел дурно пахнущего мужчину... недостойным его стандартного... ммм... последующего оформления. Отсюда и попытка избавиться от тела, просто закопав его. Как говорить, с глаз долой – из сердца вон.

А это имеет смысл, думал Виктор. Действительно, при заикленности маньяка на девушках, попадание такого «репейника» в тщательно собираемый им цветник, это фу. Это явное снижение высоко задранной им планки. Так что, возможно, этот психолог прав, случайно этого бомжика убили, а потом спихнули бедного бездомного в ближайший сугроб с глаз долой, и постарались забыть о таком малоприятном промахе...

Следующий специалист-историк, к которому его направили, без колебаний классифицировал по фото следы на телах как применение «кумадэ».

Это еще что?

- Ну как же! – аж всплеснул пухлыми лапками профессор Ариничев. – Это *zokushō tetsukumade*, железные грабли, или, как ее еще называли, *Ryūda kumade*, то есть «медвежья лапа», легендарное древковое холодное оружие, родом из средневековой Японии. Обычно представляло собой бамбуковый шест с наконечником, напоминавшим растопыренную медве-

жью конечность. Придумали его в горах Оямы кланы Момоти, а затем оно перекочевало в арсенал Асигару, пеших самураев. Использовалось на полях сражений, помогало стащить с коня всадника. Впоследствии взято на вооружение самурайской полицией для поимки преступников. Кумадэ наносило страшные рваные раны на теле, не приводящие к летальному исходу для противника. Первое письменное упоминание о них относится аж к 1156 году!

Профессор еще бухтел что-то сожалеющее насчет ныне исчезнувшей школы кумадэ-зюцу, но Виктора больше заинтересовало несовпадение средневековых и современных следов.

- Профессор, но судя по Вашим рисункам, эта... кумадэ... симметричная, а то, что мы видим на сегодняшний день – абсолютно нет!

- Правильно подмечено! - обрадовался профессор. – Поскольку в нашем случае использовался вариант не длинно-древкового оружия, а булавы кумадэ. Это как раз яркий пример слияния стилей японского и китайского оружия! В этом случае наконечник булавы делался в виде когтистой лапы, и удар по врагу наносился именно выступающими прочными и острыми отростками! Именно китайцам свойственно применение булавы-кумадэ для дробящих и разрывающих ударов!

И даже показал ему фото и того и другого видов этой самой «медвежьей лапы».

Виктор крепко задумался. Это что же получается, какой-то психопат не просто убивает женщин, а еще использует для создания посмертного антуража средневековое оружие? Или современное, но выкованное по древним образцам. А на кой? В смысле зачем? Он фанат древней Японии, то есть Китая? Он фанат нестандартного оружия? И как сочетается применение этой самой кумадэ с оставлением цветов на телах? Даже после консультаций у специалистов сильно понятнее поведение этого преступника не стало.

А потом подоспели результаты экспертиз, и Виктору стало резко не до средневековых изысков.

Потому что обнаружилось, что на теле Березкиной Ларисы есть посторонние потожировые. А, главное, есть совпадение с имеющимися образцами в базе. Только вот база была закрытая, и без санкции начальника управления получить доступ к информации не представлялось возможным. Виктор немедленно кинулся к начальству, потому что шанс в кратчайшие сроки раскрыть дело и схватить маньяка неожиданно стал реальным, но... генерал Воропаев мрачно предложил ему присесть и огорошил заявлением, что смежники просто так предоставлять инфу отказались, а вместо этого сейчас приедет их представитель для личной беседы.

Виктор аж кулаки сжал, ну, понятно, сейчас припрется весь такой важный хмырь из ФСБ, прикроется нужной бумажкой, заявит о необходимости сохранить государственную тайну, и отберет практически раскрытое дело, в первый раз, что ли, а они и сделать ничего не смогут. Но все оказалось не так. Вернее, не совсем так. Прибывший майор Лучко с ходу заявил, что не посягает на их лавры, если таковые, конечно, будут, но он должен сразу их предупредить: обнаруженное совпадение «осалило» данные кланов.

Перекосило всех.

И немудрено, лишний раз иметь дело с клановыми не рвался никто. Тогда, тридцать с лишним лет назад, именно они, вынырнув из тени, стали той ударной волной, позволившей переломить силы сторонников зарвавшегося пьяницы-президента. Именно их десант не пустил танки к Белому дому, зданию московской мэрии и телецентру Останкино. Не знали нападавшие, что им будут противостоять не просто бойцы, а те, кто имеет вторую, звериную ипостась. Оборотни. Перевертыши. Трансформеры. Короче, не совсем люди. Нелюди.

Многие из них так и сложили при этом штурме головы, но отстояли то, что считали правильным. Но за свое участие в кровавой замятне кланы двуипостасных потребовали у союзников свою плату. Нет, их представители не кланчили денег или высоких должностей, наоборот, они сразу предупредили, что им все это сто лет неинтересно, хотя клановый спецназ для охраны высших чиновников они предоставить не отказываются. Нет, им не требовались

девственницы на алтарь, или кровь некрещеных младенцев, как с опаской предполагали самые пугливые или самые отмороженные. Они как предпочитали обитать относительно обособлено, так и не собирались ничего менять. Они, наоборот, хотели, чтоб обычные люди о них что-то если и знали, то по минимуму, заранее боялись и лишний раз не лезли в их упорядоченное существование.

И, что характерно, если отталкиваться от той скудной информации, которую людям удалось получить, вернее, которую им соизволили предоставить, все оборотни были представителями, во-первых, хищных, во-вторых, сухопутных животных. Псовые, кошачьи, медвежьи, гиеновые и иже с ними. Никаких сведений о кланах трепетных ланей или пугливых зайчиков не было, не иначе этих их плотоядные соседushки до того пожрали. Никаких сведений о ком-то летающем или плавающем, что, возможно, к лучшему, потому что факт существования человека-стервятника или человека-косатки обывателю «переварить» было бы куда сложнее.

А так... ну, объявились во плоти ожившие фольклорные персонажи, про которые нам рассказывали еще бабушки на сон грядущий: славянский Серый волк и Царевна-лягушка, японские кицунэ и тануки, индийские скинуокеры... так большинство людей их в чем-то так и воспринимали, как ожившую сказку. Миф. Легенду. Предание.

Но эти, вполне себе реальные персонажи, потребовали невмешательства в свои дела. А, самое главное, они настояли на том, чтобы случись что, им принадлежало право внутри кланового суда над своими преступниками. И получили подобное обещание.

А ведь смежник-то даже пытаться не будет отхватить свой кусочек славы в случае удачи, неожиданно сообразил Виктор. Он сейчас сидит здесь не как захватчик чужих лавров, а как гарант того, что данное клановым ребятишкам обещание будет выполнено, и не более того. Потому что даже после поимки маньяка его придется отдать его же клану. И присутствующий сейчас здесь майор Лучко как миленький плюнет на все принципы осуществления правосудия и лично, собственными руками передаст душегуба в руки его собратьев по обороту. Вне зависимости от своих желаний.

Виктор ему даже было посочувствовал, но потом собрался, и деловито поинтересовался, какой из кланов предположительно «замочил хвост» в этом деле. Ответ хмурого майора многое объяснил, поскольку потожировые принадлежали кому-то из кланов бурых медведей.

О как! Медведики, значит. Потому что теперь все сходилось и минус на минус дал плюс: стало понятно происхождение и дикой силищи, с которой ударили жертв вплоть до перелома ребер, и появление следов на жертвах, которые были ни от какой не средневековой кумадэ, а от самой настоящей лапы с когтями.

«Перекинулся, получается, и вдарил, будучи в звериной ипостаси, - думал Виктор, - с этим понятно, про измышления историка можно смело забыть, но вот соображения психолога так просто отбросить не получится. Пусть он и клановый, он по любому психопат и убийца, да еще склонный к каким-то непонятным ритуалам, так что отловить его жизненно необходимо, пока он еще кого-нибудь не того... не убил, возложив на труп цветочки».

- И где именно «засветились» потожировые этого бурого медведя? – светским тоном осведомился он у смежника.

- Там... - аж поморщился майор Лучко, - вообще дурацкая история была. Драка в ресторане по пьяному делу.

- А поконкретнее?

- Не поделила что-то пара юнцов, не то девушку, не то машину, короче, сначала они словесно разбирались, кто из них неправ, потом кинулись прилюдно месить друг друга, перевернули мебель, поколотили посуду, а заодно прилетело еще и тем, кто пытался их разнять.

- А наш фигурант там как отметился? – не понял Виктор.

- А он не дал себя ударить, оттолкнув одного из участников драки.

- А потожировые зачем сняли?

- Их со всех участников потом сняли, потому что зачинщику драки проломили череп, и потребовались экспертизы, чтоб точно установить степень вины каждого активного фигуранта.

- Но нашего не задержали?

- Нет, он тихо сидел за своим столиком и в этот замес угодил случайно.

- Но его следы почему-то попали в базу? – Виктору все казалось, что степень участия «их» маньяка в драке была куда выше, чем рассказывал сейчас ФСБэшник.

- Случайно, его вызванный на безобразия патруль опросил при задержании драчунов, не усмотрел состава преступления и отпустил.

- Кстати... а съемка в ресторане не велась? Как он выглядел – известно?

- Велась, но там ракурс был такой, что его не опознать, мужик и мужик средних лет без особых примет, главное, что она подтвердила его непричастность.

- Но если его опрашивали, то они должны были как минимум зафиксировать его данные!

- Должны... - не стал спорить майор. – Но он потребовал неприкосновенности как клановый и поскольку ни в чем не был виноват, ушел не предъявляя документы. Уже потом, когда фиксировали следы на одежде участников драки, у одного из экспертов получилось выделить постороннюю ДНК. Методом исключения получился этот, отметка осталась в базе.

- А если он соврал патрулю про принадлежность к клану вообще и к клану бурых медведей в частности?

- Не соврал. У него был жетон.

Тогда да, не соврал. Клановые, конечно, предпочитали уединенное существование, селясь порой отдельными деревнями и поселками, но совсем-то от внешнего мира не отгораживались. А в последние годы начали активно заселять пригороды крупных районных центров, а то и целые городские районы. Ввели совместные дела с обычными людьми, периодически заключая контракты на поставку сельскохозяйственной продукции. Но это общение после стольких лет изоляции им не просто давалось. Привычка вести уединенную жизнь могла сыграть в незнакомом месте с таким выходцем «из ниоткуда» злую шутку в плане отсутствия знаний чужих правил и обычаев. Именно на этот случай существовали «выходные» жетоны со схематичным изображением тотема клана. Их брали под расписку у представителей местных органов правопорядка. Случись что – можно обратиться к ближайшему представителю власти, показать пластину и обрести защиту.

- А жетон был просто «выходным» или именным?

- Обычным «выходным», - вздохнул майор Лучко, уже понявший к чему клонит Виктор, - ни конкретного клана, ни региона проживания по нему не определить. Вот разве что...

- Что?!

- Он был очень потертый. Такое ощущение, что чело... фигурант много разъезжает, потому и вынужден таскать его с собой.

- А хоть что за ресторан-то был? – не забыл уточнить Виктор.

- «Мансарда». Это в питерском бизнес-центре Quattro Corti.

А недешевое местечко! Пафосное. Там одна бронь столика на первой линии очень отдельных денег стоит! Значит, фигурант у нас как минимум не бедствует.

- И когда это событие имело место быть?

- Осенью 2018 года.

Шесть лет назад... что мы по итогу имеем? Часто выезжающий, состоятельный, хладнокровный оборотень из медвежьих. Прекрасно мимикрирующий под обычного человека: не понадобилось бы предъявлять жетон, он так бы и ушел неопознанным никем. Умеет держать себя в руках: даже попав в драку, не начал оборачиваться. Либо заядлый турист, либо имеющий деловые интересы в столичных регионах: тогда Питер, теперь Москва. И Виктор принял решение запросить у питерских коллег все дела, могущие иметь отношение к «вынырнувшему» способу убийства.

А майор Лучко предложил не ограничиваться только этими регионами, а объявить розыск совпадений по всем российским базам. Медвежьи кланы разбросаны по большей части территории России, мало ли, где этот «Цветочник» за столько лет еще мог отметиться...

И действительно, нашлось еще два похожих случая: в Омске пять лет назад и четыре года назад в Барнауле. Понимание того, что это серия, находило подтверждение. Правда, были и отличия: тело девушки-омички было найдено изуродованным и практически превращенным в смятку, но цветы на нем присутствовали, а жительнице Барнаула, считай, повезло: она была убита одним ударом и выложена у себя на участке почти как две москвички после нее.

Он на них тренировался, внутренне похолодев, понял Виктор, «отрабатывал», так сказать, методику убийства, а смерть двух столичных барышень прошла уже по «вылизанному» варианту.

Настропаленные Виктором опера тоже рыли землю носом: проверялись столичные торговые точки, торгующие гвоздиками сорта Гренадин знамя Победы, мониторилась Интернет-активность Березкиной Ларисы, просматривались съемки всех камер, где бывала блогерша в последнее время, а также сквозь мелкое сито просеивались брони гостиниц и съемных квартир вокруг ее места жительства.

И билеты. Если из Москвы в Питер еще можно попробовать добраться на машине, то представить себе автоперегоны Омск-Москва или Барнаул-Москва намного сложнее. Должен был этот оборотень пользоваться либо самолетом, либо поездом. Ну не пешком же он пересекал полстраны! И не в звероформе. А раз так – его фамилия точно осталась в общей билетной базе. Тем более, что вычислить даты его пребывания в этих городах было несложно – достаточно оттолкнуться в нужную временную сторону от дат смерти его жертв.

И уже вот этот частый гребень позволил резко сузить круг подозреваемых. Сначала до шестнадцати человек, потом до пяти, а потом и вовсе осталась единственная кандидатура. Но какая!

Никодим Степанович Колычев, пятидесяти восьми годков от роду, значимая фигура в третьем по величине городе России, местный мини-олигарх, совладелец ООО «Сибирская нива», владелец швейной фабрики «Ко-Ник» и крупнейшей птицефермы всей новосибирской области.

- Он еще и депутат, - мрачно прокомментировал майор Лучко, - триндец нам.

Триндец, мысленно согласился Виктор. Потому что депутаты, язвы их в пятку, Государственной, чтоб ее, думы, обладают неприкосновенностью в течение всего срока их полномочий, кроме случаев задержания на месте преступления. И чтоб их этой неприкосновенности лишить, сначала нужно генерального прокурора доложить на выдачу соответствующего представления, которое может быть утверждено решением этой же Госдумы. А может и не быть.

- Нам что, с учетом статуса фигуранта, чтоб привлечь его к ответственности, нужно его над теплым трупом застать?

- Не все так плохо, - примирительно объяснил майор, - он не думец, он депутат парламента субъекта России.

Счастье-то какое! Виктор чуть руками не всплеснул. Нет, конечно, это их задачу облегчает, но не на много.

- А, кстати, кто он там в этой их оборотнической... структуре? Иерархии? Диаспоре? Как оно хоть правильно?!

- Общине, - вздохнул собеседник. – То-то, что именно глава.

Подстраховался, сволочуга, со всех сторон! И как его, такого скользкого, теперь выковыривать и брать?

- А не рано ли мы вообще на него зубки точим? – резонно спросил майор Лучко. – У нас пока кроме вычислений на него ничего нет.

- Нам кровь их носу нужны его образцы, - сообразил Виктор. - Если не ДНК, то хоть потожировые. Вот когда обнаружится совпадение с уже имеющимися, тогда нам будет с чем идти к генералу.

Добыча образцов фигуранта вылилась в отдельный квест. Пришлось им с майором лететь в Новосибирск и, заручившись помощью коллег, пытаться добраться до шкуры Колычева. Ситуация осложнялась тем, что делать это надо было в неявном виде, а просто так соприкоснуться со столь важной персоной ни у кого из них не получалось. Виктор сначала надеялся на поликлиники, сохраняющие образцы крови, но местные его быстро обломали: у оборотней наличествовали свои и больницы, и поликлиники, куда у обычных людей доступа не было.

А как насчет пошукать на месте жительства? И тут тоже случился облом. Нет, у него была роскошная квартира в центре Новосиба, только вот бывал он там крайне редко, при том, что тщательную уборку там проводили еженедельно и надежда наткнуться на пригодные следы была слишком эфемерной. А постоянно проживать Никодим Степанович изволили вместе с семьей на юго-западе города в коттеджном поселке «Морская тишь», построенном на берегу Новосибирского водохранилища. И проникнуть в эту цитадель местных оборотней возможным не представлялось: вооруженная охрана, электронные пропуска, камеры, сигнализация, короче, все на уровне, приبلудным «фигвам» и «но пасаран»!

И подловить фигуранта на выездах на его предприятия или в городе, куда он регулярно наведывался, тоже получалось... а не получалось. Машина Колычева с сопровождением выезжала из-за одного забора, мчалась по шоссе, исчезала за другим забором и все. И вот как в таких условиях прикажете «привязывать» его к столичным трупам?

Помог случай. Местные ребята подсказали, где глав-оборотень завтра должен обязательно появиться: на приеме у губернатора области. Ага. Замечательно! А кто туда их с Лучко пустит? Но вот именно у майора и нашлись через тамошних сослуживцев хитрые ходы аж к самым сливкам здешнего общества и пропуск им в особняк в центре, пусть и со скрипом, но оформили. А чтоб их вообще туда пустили, пришлось Виктору срочно обзаводиться пристойным костюмом, из-за чего его кредитка практически опустела в ноль, и, скрипя зубами, тащиться на прием, еще не зная, как он будет добывать потребные следствию образцы.

А на приеме ситуация оказалась не менее безнадёжной: фигурант прибыл с тремя «быками» охраны, которые плотно опекали его с трех сторон, позволяя приблизиться собеседникам исключительно с фасада. Хотя какие «быки»? Медведи, судя по размерам тушек!

И вот что теперь? Этот депутат прятался за охраной и даже не выходил на балкон покурить, и не оставлял там окурки, на что была их главная надежда. Может, опустошенный им бокал упереть? Или вилку, которой он изволил канапё вкушать? Не кидаться же ему теперь этому оборотню на грудь, ну в самом-то деле! Хотя Виктор уже созревал и до столь отчаянной мысли и столь же неадекватных действий, и будь, что будет, пусть его потом сочтут психом, или, того хуже, каким бирюзовым не традиционалом, главное – добыть нужный образец.

Но тут майор Лучко подметил интересную деталь и не преминул чувствительно ткнуть Виктора в бок. Тот сначала не понял, на что майор намекает жующими движениями, но потом присмотрелся... и тоже заметил не самую обычную привычку фигуранта: тот меланхолично пожевывал зубочистку после ее использования по прямому назначению.

Вот оно! Если воровать бокалы или вилки – верный путь к малоприятным объяснениям с местной службой безопасности, то кому интересна судьба деревянной шпажки? Особенно использованной? И таких дентальных палочек, пожеванных Колычевым, они умудрились насобирать за время приема аж три штуки, чтоб наверняка. И первым же самолетом вылетели в Москву.

А после проведения экспертизы уже можно было идти к генералу, теперь им было, что ему предъявить. Потому что совпадение образцов фигуранта с уже имеющимися в деле оказа-

лось сто процентов. И потому что, согласно купленным на его имя билетам, можно было «привязать» его к местам преступлений. Оставалось только принять решение о его задержании.

Но генерал Воропаев радоваться не торопился.

- Колычев, значит... - бурчал он, пролистывая их совместный рапорт. – Совпадение, значит... А что насчет мотива?

Виктор с майором синхронно потупились, вот как раз подвести действия фигуранта под хоть какую-то причину ни у одного из них не получалось. Ну, не понимали они зачем нужны все эти смерти! А заявлять, как тот специалист, что маньяки ловят кайф при любовании очарованием смерти, было чревато. Это, может, и «тянуло» бы на мотив в высоко учёных рассуждениях, а вот в качестве записи в официальном документе... смотрелось бы, мягко говоря, странно. Если не сказать больше.

— Это, во-первых, – припечатал генерал. – А, во-вторых, поведаете-ка мне, умники, как вы собираетесь этого медведя брать? Особенно с учетом наличия у него охраны и собственных возможностей при обороте?

И выдержав Мхатовскую паузу, заключил:

— Это вам не хухер, и даже не мухер!

Виктор с майором боязливо промолчали. Вступать в споры с человеком, умудрившемся так извратить простенькое выражение «хухры-мухры» не рискнул никто из них. Ибо чревато. Мало ли, что ему в головушку стукнет на их уже счет. И сделает он теперь из них какой хухер. Или мухер. Тут уж как повезет. Но вообще-то он прав насчет сложностей с захватом существа, способного обернуться много килограммовым медведем, этот момент они явно не продумали...

- Мотив можно будет и потом выяснить, когда возьмем его и допросим! – после недолгого, но напряженного раздумья «выдал» Виктор. – Черт его знает, что он там себе в протекшей башке в качестве причины для убийств сварил... Самим нам до его маньячных мозговых завихрений вовек не додуматься!

- А брать его придется с поличным, поэтому предлагаю ловлю на живца, - поддакнул майор Лучко. – Тогда все, что нам нужно - дожждаться, когда он снова выйдет на охоту и начать слежку. На дело он с собой охрану по любому не возьмет! А уж справиться с одним оборотнем – пусть и трудно, но возможно. В конце концов килограмм-другой свинца в организме – как раз и есть та критическая масса металла, которая способна усмирить кого угодно! Даже медведя.

Виктор был с ним полностью согласен. И даже предложил для захвата использовать группу ребят-оперов, с которыми он успел сработаться. Гладышев, Корсун, Шаповалов, Тищенко – уже представляли собой спаянный коллектив тех, кто ни бога, ни черта не боялся, и готовых пойти хоть бы и на медведя. А понадобится – и на тигра. И даже на динозавра, буде возникнет нужда.

И мысленно отметил, что никому из них, даже майору Лучко, и в голову не пришло предложить просто вывалить все имеющиеся доказательства перед представителями этих самых оборотнических общин и спокойно умыть руки, отдав им своего представителя для соответствующего наказания... Возможно, каждый из них в глубине души подозревал, что и наказания-то никакого для своего у них особо не предусмотрено, так, формально пожурят и погрозят пальчиком, а значит... а значит, убийства продолжатся. Между прочим, людей. Между прочим, невинных. Именно тех, кого они обязались защищать. Так что, нет, господа перевертыши, нам еще перепуганной общественности предстоит предъявить изловленного супостата и своевременно отчитаться по инстанции, а уж потом будем посмотреть, как вы планируете своего маньячику наказывать... Глядишь, удастся и вмешаться в этот процесс... правильно вмешаться.

- Но с момента последнего убийства прошло всего ничего времени, - своевременно напомнил генерал Воропаев. – Если убийца соблюдает установленный им самим временной интервал, нам придется ждать его очередной активности чуть не целый год!

- Не факт... - задумчиво протянул Лучко. – Если вспомнить, что промежуток между первыми московскими трупами составил пару с лишним лет, можно смело говорить о сокращении периода ожидания, это раз. И мы можем попробовать его спровоцировать на активные действия, это два.

- Другими словами, подсунув ему не просто живца, а подставленную жертву? – хмыкнул генерал. – Рискованно...

- А у Вас есть предложение лучше?

- То-то, что нет... ладно, ищите кого можно в этой схеме задействовать, только не из гражданских!

И вот тут Виктор с майором Лучко крепко задумались. Допустим, отыскать оперативницу, способную к игре с потенциальным убийцей, можно. Допустим, «сделать» ей похожий на двух последних пострадавших образ тоже получится. Дело за малым: как можно аккуратно и не вызывая подозрений фигуранта подсунуть ему «своего» живца раньше, чем у него перемкнет в мозгу и инстинкт позовет его на охоту еще на кого-то?

Или не инстинкт. Или мания. Это не важно, важно понять, как подставить ему нужного человека? Потому что он пока безвылазно торчит в Новосибе, и придется поломать голову над тем, как выманить его оттуда раньше времени. Кое-что по его вкусам понятно уже сейчас: рост – средний, размер – 46-48, возраст – чуть за двадцать, обе жертвы – блондинки, пусть одна и крашенная, но на брюнетку он точно не клюнет, только этого недостаточно, нужен еще некий объединяющий фактор, чтоб наверняка.

- Кто у тебя смотрел подключения к соцсетям Гаркушевой и Березкиной? – внезапно «отмер» майор. – Нужно не просто подобрать правильную кандидатуру, а сначала догадаться, как и чем они его зацепили на расстоянии. И только тогда создавать из блесны живца.

- Тогда нам к программерам, есть у меня там один гений Мотя...

Главный программист Паршуткин, науськанный Виктором на поиск совпадений, не подвел.

— Вот оно, - поведал он, - тыкая пальцем в экран. – Смотрите, если убрать прическу и проигнорировать макияж – обе девчонки практически на одно лицо. Чует моя чуйка, искал он их по базе совпадения лиц.

- А ты?..

- Уже прогнал, в Москве похожих лиц еще двенадцать.

Виктор с майором только переглянулись: значит, следующая жертва должна быть из этого списка.

- И все?

- Нет, не все! - хитро прищурился Мотя, - эти убиенные и еще три из обнаруженных имеют интересную общую черту: все они что-то коллекционируют. Или коллекционировали. Гаркушева – плюшевых котков, Березкина – стеклянных лягушек, Тарбеева – «куриных богов», Сутаева – этикетки от алкоголя, а Мышкина – крышки от бутылок с пивом.

Просмотрев содержимое аккаунтов всех трех собирательниц, сыщики приуныли. Обычные домашние девочки: одна – аспирантка, другая – секретарша в маленькой фирмешке, третья – медсестра... таких в операции не используешь. А, главное, у них есть запрет генерала задействовать гражданских, поэтому...

- Поэтому мы ее создадим! – в приливе вдохновения сказал Виктор. – Сами!

- В смысле?

- Найдем нужную девушку-оперативницу, проинструктируем, подгримируем, Мотя сделает для нее такой аккаунт, что этот урод обязательно ее выберет и начнет подкрадываться. Тут-то мы его и цап!

- А почему он ее выберет? – удивился майор Лучко.

- А потому, что она окажется самой интересной из его вероятного списка! Мы, во-первых, подкинем ей необычные вещи для коллекционирования, например, бутылочные открывашки из разных городов и стран. А, во-вторых, она у нас по легенде будет сирота, а одиночку, понятное дело, окучивать завсегда проще, чем ту, у кого уйма разной родни под ногами шарится.

- В первых случаях ему наличие родственников не помешало к девчонкам подобраться!

- А теперь их отсутствие только поможет! Но да, надо еще какую хитрую замануху придумать... подогнать ей, например, интересный и нестандартный вид спорта, чтоб не просто бегала по утрам, а там... не знаю, занималась бейсджампингом. Мимо такого он точно не пройдет.

- Пожалуй... - протянул майор.

- Так, а открывашки-то где возьмем? – «проснулся» Паршуткин.

- Свои отдам, - отмахнулся Виктор, - я их много откуда привозил, родители тоже пополняли коллекцию, но никогда раньше их не фоткал и не выкладывал, вот теперь и пригодятся. Мотя, а ты перерой базу наших оперативниц с упором на внешность. Нам нужна та, которая сыграет роль подсадной утки.

И уже к вечеру следующего дня старший лейтенант Наталья Соловьева перекрасила волосы, стала Кураевой Стеллой и переехала в одну из специально стоящих для таких случаев на балансе ведомства майора Лучко гостевых квартир. А в соцсетях появился аккаунт девушки-переводчицы с корейского языка.

- Почему с корейского? – удивился Мотя.

- Потому что она у нас полетит на переговоры в Сеул, - объяснил Виктор.

- И какая связь?

- Такая, что обратный рейс у нее будет пересадочный. Инчхон-Толмачево-Шереметьево.

- И что?!

- Толмачево – аэропорт Новосиба, - сжалился над Паршуткиным майор.

- А-а... а-а-а! А этот ваш... он точно сумеет проникнуть в зал транзитников?

- Чтоб депутат да не смог? Но сначала... Мотя, на тебе поддержание ее аккаунта, и мониторинг любой посторонней интернет-активности. Наша Стеллочка никуда не полетит, пока фигурант ее не заценит.

Подождать пришлось. Но уже через пару недель Мотя радостно доложил, что аккаунт псевдо-Стеллы кем-то регулярно просматривается. А вот подобной нездоровой активности вокруг страничек Тарбеевой, Сутаевой и Мышкиной не наблюдается.

Вот тут и настало время поместить на страничку Стеллы сообщение о деловой поездке переводчицы в Сеул для участия в переговорах компании МТС с представителями концерна Самсунг. Мотя в течении недели аккуратно размещал за нее предвкушающую трескотню человека, собирающегося повидать новые места, интересных людей и приобрести необычные экземпляры для своей коллекции открывашек. Его подчиненные, активно имитировавшие «друзей» хозяйки аккаунта, как бы вскользь и невзначай осведомились о сроках командировки, и получили ответ вместе с описанием маршрута. Теперь оставалось только ждать.

За две недели якобы напряженной работы с корейской делегацией новости «высыпались» на страничку их приманки крайне скупо. Пара фото, сделанных из окна автомобиля, комментарии типа «устала как собака» или «это не корейцы, это, в натуре, евреи, иначе откуда такая культура торговаться за каждую копейку?!», одинокое старательно сфотошопленное селфи якобы со смотровой площадки башни Н-Сеул, чтоб подогреть интерес фигуранта к возможной встрече вживую. И, наконец, радостное «Завтра – домой!»

Понятно, что ни в каком Сеуле их сотрудница не была, но на следующий день смиренно сидела заgrimированная на третьем этаже сектора С аэропорта Толмачево Новосибирска в стерильной стыковочной зоне для ожидания посадки на свой рейс в столицу. Ее страховали трое местных оперативников, двое из которых не приближаясь, следили за окружающими, а одна нагло плюхнулась в соседнее с псевдо-Стеллой место и завела разговор ни о чем. Плюс у их приманки в ухе был наушник, с которого ее ориентировали насчет тех, кто клубился вокруг и подсказывали правильные ответы.

Колычев появился из какого-то служебного выхода почти незаметно. И как бы невзначай прошелся за спиной беседующих девушек. Даже остановился послушать, как их девушка убеждает случайную попутчицу в том, что Александр Покрышкин, в честь которого назван здешний аэропорт, был куда более талантливым и результативным летчиком, чем считающийся таковым Иван Кожедуб, потому что в отличие от многих других авиаторов, мог отказаться от «авторства» сбитого самолета противника в пользу своего ведомого, если они побеждали в воздушном бою вместе. И одобрительно покивал в такт каким-то своим мыслям.

А потом отошел, но наблюдавший за этой сценой через камеру транзитного зала Виктор выдохнул с облегчением: зацепило. Есть поклевка! Теперь надо возвращаться домой и ждать ответных действий фигуранта. А пока подогревать его интерес через новости в соцсети. Куда кто-то с неидентифицированной сим-карты лазил каждый день.

И через две недели Колычев не выдержал, и прилетел в Москву. Вот на сей раз его «опекали» плотно, а чтоб и не опекать, если многие его действия были заранее просчитаны, а в каблук его ботинок помещен GPS-трекер? Поэтому и их со Стеллой якобы случайная встреча в фитнес-центре прошла так, как они запланировали: девушка демонстрировала к нему минимальный интерес, не проявляя желания продлевать знакомство. Они рассчитывали, что такая «холодность» должна его только раззадорить и не ошиблись.

Да еще и подчиненные Моти «подогрели» ситуацию, щедро выставляя под ее новыми фото из тренажерного зала восторженные лайки сразу от трех мужских имен.

Мужчина оказался вынужден не просто понемножку форсировать общение с ней во время тренировок, а поскольку сам он обязан был периодически возвращаться в Новосиб по делам, в периоды своего отсутствия сообразительно подключил дополнительные средства обольщения: начал присылать ей приветственные сообщения в аккаунт с левой симки, а также букеты с курьером. И опять выбрал уже отслеженную оперативниками с прошлого раза цветочную фирму, где можно было заказать и растения, и посыльного без личного контакта, путем оплаты со счета. Потом добавилась доставка сладостей. Потом бутылка недешевого вина. Что характерно, деньги приходили с карты, оформленной на давно уехавшего на родину в Казахстан гастарбайтера.

- Как думаешь, на что клевали его предыдущие девицы? – задумчиво спросил майор у Виктора. – Ну, подтянутый, ну, не бедный, ну, льстило им ухаживание по всем правилам, но ему же почти шесть десятков! И какие могут быть у их отношений с женатым мужичком перспективы, если такого ни разу не юного ухажера может в самый неподходящий момент хватить удар, и он загнется прямо на тебе? В процессе, так сказать?

- Так он, поди, не афиширует факт своего нахождения в браке, видишь, даже кольцо не носит, - ехидно хмыкнул Виктор. – Не исключено, что как раз и закидывал дурочкам удочку на счет возможной свадьбы, вспомни ту же Риту Гаркушеву, которая намекала подругам на фантастическую любовь и большие перемены в жизни, вот они и цепляются за шанс после его скорой смерти остаться молодой обеспеченной вдовой.

- Стелле до сих пор не намекал...

- Соберется прикончить – намекает, - отрезал Виктор. – Он пока вываживает добычу, но чую, скоро не выдержит и сорвется.

- А как мы это поймем? И когда?

- Когда он закажет для нее не просто какие-нибудь цветы, а те самые гвоздики сорта Гренадин знамя Победы. Это и будет знаком для нас. Да и наша Стелла не промолчит насчет его желания устроить ей эротиссимо вульгарис.

Нужный момент наступил почти через три недели. Колычев в очередной раз прилетел в Москву. В мессенджер Стеллы «упала» просьба о встрече с вполне явными матримониальными намеками. В цветочную фирму поступил заказ на гвоздики. И стало ясно – пора. Убийца готов прикончить очередную жертву.

Но его ждал сюрприз: четверка оперативников Гладышев, Корсун, Шаповалов и Тищенко все это время проходили дополнительный цикл тренировок, заточенных на удержание не человека, а зверя. Пришлось привлекать команду сибирских звероловов, у которых наличествовали и нестандартные навыки, и оригинальная экипировка. Пришлось переучиваться. Пришлось заказывать металлическую сеть, порвать которую не в силах будет даже потуторацентнеровая туша.

И кроме стандартного ярыгинского «Грача» вооружаться еще и АКС-74У. Для быстрого набора той самой критической массы свинца внутри этой атакующей туши, если что.

И отдельно пришлось ждать, когда им изготовят нейтрализатор запахов, потому что обоняние у оборотней всяко лучше человеческого. А уж если брать медведя! Как Виктору объяснили зоологи, обонятельная луковица в мозге медведя в пять раз больше, чем у человека. Но это бы еще ладно, а вот обонятельная мембрана в носу у медведя по некоторым данным в сто раз больше человеческой! Так что мажемся нейтрализатором и не пищим, а то спугнем еще эту нюхливую сволочь! А Стелла в ожидании кавалера заранее подожгла в прихожей ароматические палочки, чтоб по максимуму замаскировать даже остатки запахов спрятавшихся бойцов.

И включить три заранее установленные камеры, чтоб зафиксировать момент оборота и нападения. А дальше оставалось только ждать. И когда раздался звонок домофона, Виктор ощутил, что нервы у него натянуты как скрипичные струны в ожидании первого касания смычка, так что тронь - зазвенят.

А само задержание занял буквально минуту: как только Колычев начал трансформацию, Стелла мгновенно отскочила, давая возможность ранее спрятавшимся оперативникам спеленать медвежью тушу специально укрепленной сетью, даже предусмотренное шпигование свинцом не понадобилось. И явившись на следующий день пред светлые очи начальства для доклада не оценил хмурого вида генерала Воропаева. Который с ходу неприязненно поинтересовался:

- Фигуранта, как я погляжу, брали твои архаровцы?

- А что сразу архаровцы?! – возмутился Виктор.

- Ну, анархисты-разбойники, разве ж я спорю? Что это у взятого вами Колычева ребра сломаны, и чуть не половина зубов отсутствует?

— Это он сам... того, упал. В смысле оказал сопротивление при задержании.

- Ах, опять сам! И опять упал! Еще раз твоя зондер-команда на задержании повредит объект задержания, не посмотрю на ваши показатели, а натравлю на вас службу безопасности!

Виктор прямо обиделся за парней, они, между прочим, накануне крепко своими шкурками рисковали, равно как и Наташа-Стелла, их поощрять надо, а не чихвостить! А что малость попортили фейс этому убийцу, так кто бы на их месте удержался? Тем более, что регенерация у оборотней, говорят, на высоте, так что... очухается и оклемается. Как огурец будет в отличие от своих жертв.

- Ладно, так что он там сказал насчет причины, почему он это делал?

- А ничего. Сослался на 51-ю статью Конституции и потребовал адвоката.

- М-да... что ж, наше ведомство свое дело сделало, теперь очередь судебных.

Виктор не стал ему говорить, что с учетом договоренности о внутри клановых наказаниях никакого суда может и не быть, потому что вариант, при котором этого маньяка просто

заберут свои, очень не исключен. И ошибся. Суд состоялся, уж больно резонансным оказалось дело, но проходил в закрытом режиме. Даже его туда не позвали, хотя, казалось бы, как можно обойтись без его показаний? А вот и обошлись! Сообщили только приговор – пожизненное. Но опрошенный им майор Лучко уже потом по секрету поведал, что на вопрос о мотиве подсудимый на процессе как-то невнятно заявлял, что изничтожал девушек, похожих на его не сложившуюся и отвергнувшую его чувства любовь, и что обследовавший его психиатр «выдал» ему такой диагноз, с которым его на свободе никак бы не оставили. А потом его собраты по общине упаковали Колычева в клетку и куда-то увезли.

- Будет теперь жить в своей сибирской глуши безнаказанно! – возмутился Виктор.

- Я бы не торопился думать о его безнаказанности, - очень серьезно объяснил майор. – Мы многого не знаем о перевертышах, и, если я правильно понял слова главного из их «делегации» ... короче, вариант «живые позавидуют мертвым» — это как раз наш случай.

Ну, если майор ФСБ в это верит... или что-то знает... то, собственно, ему-то чем быть недовольным? И он, и его сослуживцы свои плюшки за успешное и бескровное раскрытие дела получили, сам Виктор был удостоен внеочередного звания, денежной премии, грамоты от руководства и фото на доску почета. Ну и слава человека, поймавшего «Цветочника», это тоже не комар плюнул. Отец так прямо и сказал, что это почти подвиг и что он гордится им.

Но во всей этой бочке меда была даже не ложка, а целый половник дегтя. Увесистый такой и соответственно пахнувший. Имя ему было – Маша. Вынужденный вернуться к жене Виктор этому факту не радовался, его раздражало все, что с ней было связано. Как говорит, как готовит, как ведет себя с ним и с Ликой, все! И выхода из этой ситуации он не видел ровно до того момента, как отвез ее в роддом, а дочь к своим родителям. Потому что в щебетании по телефону медсестры по поводу веса и роста новорожденного сына он внезапно уловил одну интересную деталь. Которую немедленно кинулся раскручивать со всей мощью своего опыта.

В день выписки им с женой предстояло получить так называемый «президентский сертификат» на право выплаты семье материнского капитала, но именно эту бумагу ведущий Машины роды врач отдавать отказался, ссылаясь на запрет заведующего отделением Кузовкина П. Ю.

Естественно, Маша, кипя и булькая, как кастрюля с кашей, вместе с ним немедленно кинулась к заведующему Кузовкину.

- Павел Юрьевич, в чем дело?

- А дело, Мария Андреевна, в том, что получается у нас с Вами неувязочка. Не могу я Вам выдать «президентский сертификат» на получение материнского капитала, никак не могу!

— Это еще почему?

- А потому, что такой документ должен выдаваться в ответ на заявление обоих родителей, а подписи Виктора Германовича, что он согласен признать новорожденного своим ребенком, у Вас нет, и не будет.

- Почему это?!

- Потому что Ваш ребенок – не его сын, у новорожденного первая группа крови.

- И... что?

- А то, что у Вас – вторая группа, положительная. А у Вашего мужа – четвертая, отрицательная. А у ребенка – первая группа, положительная. Вы до сих пор меня не понимаете?

- Не понимаю!

- Хорошо, я освежу в Вашей памяти школьные уроки генетики: у отца с четвертой группой крови, которая маркируется как АВ, и матери со второй группой крови А в 50% случаев появляется на свет ребенок со второй группой крови А, в 25% случаев он может унаследовать третью группу В, а в 25% случаев четвертую АВ. А вот чего у него быть не может в принципе, так это первой группы 0, потому что такого гена у родителей просто нет. Теперь Вы понимаете, к чему я клоню?

- Но как же... я же его рожала...

- Не сворачивайте с темы, драгоценная Мария Андреевна, Вы – безусловно его мать, но вот Ваш муж никак не может быть его отцом. Собственно, потому Виктор Германович и протестует против выдачи документа, что Ваш ребенок – его сын. И я его негодование даже где-то понимаю.

— Это Ваша ошибка! Вы что-то перепутали, а теперь пытаетесь меня сделать виноватой! Витя! А ты что молчишь, когда твою жену грязью поливают!

Но попытка переорать завождением не удалась. Тот не смутился, а продолжал:

- Видите ли, уважаемая Мария Андреевна, мы не ограничились обычным исследованием крови, мы провели анализ ДНК ребенка, и он подтвердил, что рожденный Вами мальчик не является биологическим сыном Вашего мужа.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.